

слушателей в первую очередь на ассимиляционных процессах в Эфиопии и в меньшей степени — на интеграционных, М. Райт старалась проанализировать вклад различных кушитских народов в формирование эфиопской нации.

Второй доклад был подготовлен И. Люисом. Он назывался «Народы, говорящие на кушитских языках,— загадочная картинка для социальных антропологов». Доклад носил преимущественно обзорный характер. В нем рассматривались исследования в области этнографии и социологии народов агау, афар, сомали, галла, сидамо, консо, каффа. Выступившие в прениях К. Рабин, П. Бакстер, М. Райт, Дерар Салех Дерар, А. Триульци, Л. Риччи, А. Заборски главным образом дополнили доклад работами тех авторов, которые не были упомянуты Люисом. Так, А. Заборски, Дерар Салех Дерар и Хассан Мохаммед остановились довольно подробно на малоизвестных исследованиях, посвященных беджа; А. Триульци привел данные, касающиеся изучения галла; М. Райт рассказала о работах советских ученых в области этнографии и социологии сомалийцев и в первую очередь о совместной советско-сомалийской экспедиции. Только П. Бакстер свое выступление посвятил описанию бытующего среди женщин галла-арусси празднества «атете».

Обзорный доклад, посвященный изучению кушитских языков, на которых говорит около 14 миллионов человек, был сделан польским ученым А. Заборски, затем был зачитан доклад чехословацкого африканиста К. Петрачека «Проблемы кушитской лингвистики» (автор не смог приехать на colloquium). В прениях по этим докладам выступили Ж. Тюбиана, Хайле-Фидаа, Р. Хайурд, К. Рабин, Хайле-Бубамо-Арфиччо, Л. Риччи, Абдалла Мохаммед Камиль, Б. Анджеевски. Ряд выступлений был посвящен оригинальным исследованиям в области кушитской лингвистики: Р. Хайурд подготовил сообщение на тему «Причастия в языке афар — данные для воссоздания глагольных суффиксов», Хайле-Бубамо-Арфиччо посвятил свое интересное выступление проблеме отражения языка хадья в топонимике; Хайле-Фидаа выдвинул для обсуждения вопрос о транскрипции языка оромо (галла); К. Рабин посвятил свое выступление проблемам кушитско-семитской этимологии, Абдалла Мохаммед Камиль рассказал о результатах, полученных им при изучении языка афар. Среди участников colloquium был распространен также доклад Х.-Ю. Сассе на тему «Распространение макро-сомали», однако его не обсуждали, так как сам докладчик не смог приехать на colloquium.

На последнем заседании обсуждался доклад Б. Анджеевского «Кушитские литературы (1940—1975). Обзор». Автор с исключительной скрупулезностью собрал все, что было опубликовано по фольклору и литературе народов, говорящих на языках афар, баскетто, хадья, каффа, ироб, камбатта, консо, мале, оромо, сала, сидамо, сомали. В прениях выступили А. Триульци, А. Заборски и Дерар Салех Дерар. Последний посвятил свое выступление творчеству Махмуда эль Фаладж, поэта народа беджа. А. Заборски привел дополнительные материалы по изучению фольклора беджа; А. Триульци в свою очередь дополнил данные по изучению фольклора галла-мечча.

10 сентября состоялось рабочее заседание историков-кушитологов, на котором обсуждался вопрос о дальнейших путях изучения истории народов, говорящих на кушитских языках.

На заключительном заседании 12 сентября участники colloquium приняли резолюцию с выражением благодарности Национальному центру научных исследований Франции и всем организаторам colloquium за ту большую работу, которую они проделали по его подготовке и успешному проведению. В принятой резолюции участники colloquium подчеркнули растущую роль народов, говорящих на кушитских языках, в жизни современной Восточной Африки; указывалось также на увеличение исследований в области истории, этнографии, социологии, лингвистики и литературы этих народов. Было решено создать Постоянную комиссию с целью координации усилий ученых различных стран по изучению народов, говорящих на этих языках, по организации записей их устного народного творчества, по подбору исторических источников для создания в будущем фундаментальной истории кушитских народов. В задачу комиссии будет входить публикация информационных бюллетеней о результатах проводимых исследований в области кушитологии.

М. В. Райт

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ НА XIV МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

С 22 по 29 августа 1975 г. в Сан-Франциско (США) работал XIV Международный конгресс исторических наук. На конгрессе обсуждался широкий круг проблем истории человеческого общества от древности до современности. В секции «История в хронологические периоды», в разделе «Средние века» специально рассматривалась тема «Кочевые общества». Но при обсуждении этой темы затрагивались некоторые вопросы, касающиеся не только средневековья, но и более поздних периодов. В работе

секции участвовали ученые многих государств, в том числе представители развивающихся стран.

В обширном докладе Ц. Джиуреску (СРР) «Кочевые общества в евроазиатском пространстве и их роль в образовании средневековых государств» была сделана попытка осветить историю кочевых племен и народностей, у которых в прошлом ведущей формой хозяйства являлось экстенсивное кочевое скотоводство — от скифов и сарматов до монголов, включая гуннов, алан, аваров, печенегов, команов. Особое внимание было уделено вторжению кочевников Азии на европейский континент и оценке влияния вторжения на политическую историю континента.

В докладе Ш. Нацагдорж (МНР) «Основные черты феодализма у кочевых народов на примере монгольского общества» несомненный интерес представляет обобщающая характеристика современного уровня знаний об общественно-экономической сути феодальных отношений и роли земли и скота как средства производства у кочевников. Справедливо положение докладчика, что общественные отношения в кочевых обществах развивались, хотя и медленно; традиционные социальные институты постепенно наполнялись классовым содержанием, а политические структуры эволюционировали от племенной организации к феодальному государству. Ш. Нацагдоржем предложена периодизация истории феодализма в монгольском обществе.

В докладе подчеркнуто, что «нашествия Чингисхана и его преемников принесли огромные бедствия и страдания народам Азии и Европы, задержали их развитие на целые столетия», но ошибочно полагать, что «отношение кочевников к своим оседлым соседям было всегда агрессивным, а отношение последних к кочевникам — миролюбивым». Это положение докладчик попытался раскрыть на примере экспансионистской политики китайских императоров.

В докладе Ф. Шпулера (ФРГ) «Монгольский номадизм в оседлом обществе. Золотая Орда» показаны важные моменты в политической истории Золотой Орды, верно отмечены подтвержденные советской исторической литературой факты «растворения» завоевателей в тюркской среде, освоение ими языка, приспособление к социально-экономическим и бытовым условиям этой среды, значимость принятия монголами ислама, торговых связей Золотой Орды с сопредельными государствами.

А. Ханеда (Япония) в своем докладе «Кочевники и города» подверг критике тезис о том, что кочевники вообще не обрабатывали землю, совершенно не знали никаких элементов городской жизни и городской культуры, показал взаимосвязь истории городов в кочевой зоне с историей ремесла.

Доклады вызвали оживленную дискуссию. В ней приняли участие Ш. Бира (МНР), Д. Вернер (ГДР), О. Латтимор (Франция), М. Мола (Франция), И. Фуджейда (Япония) и другие. Из советских делегатов выступили А. Р. Корсунский (Москва), Г. Ф. Дахшлейгер (Алма-Ата), А. Ташмухамедов (Ташкент). Обсуждались вопросы о путях развития кочевых обществ как в средневековье, так и в более позднее время, о взаимодействии оседлого и кочевого населения, о причинах миграций кочевых племен и народностей, о месте экстенсивного скотоводческого хозяйства в экономической истории и необходимости оседания в современном мире, о роли феодальных владетелей в образовании государств у кочевников.

А. Р. Корсунский polemизировал с отдельными положениями доклада Ц. Джиуреску, касавшимися социального строя и государственных институтов у гуннов, хазар, печенегов, главным образом с тезисом о возможности существования не рабовладельческого и не феодального кочевого государства. Он указал также на необходимость учитывать историческую обстановку в Европе во время вторжения в нее кочевых народностей.

А. Ташмухамедов рассказал о процессе оседания кочевников и полукочевников в XVIII—XIX вв. на территории современного Узбекистана.

Г. Ф. Дахшлейгер в своем выступлении отметил, что в докладах Б. Шпулера и А. Ханеда не до конца преодолено положение об извечной конфронтации кочевых и оседлых племен и народностей. В советской исторической литературе, отнюдь не идеализирующей общественный строй кочевников и тем более их захватнические, несправедливые войны, доказано, что в истории существовали не только постоянные противоречия или войны кочевых обществ и оседлых цивилизаций, но и мирные контакты кочевников и земледельцев в хозяйственной, социальной и культурной жизни, взаимозависимость земледельческого и скотоводческого хозяйства.

Советские ученые указывали на то, что в докладах Б. Шпулера и А. Ханеды политическая и экономическая история кочевых обществ неправомерно рассмотрена вне системы их общественно-экономического строя. Именно соотношение истории кочевых народностей с определенной системой общественных отношений (в средневековье у большинства народностей, очевидно, системой феодальной) является ключом к объяснению всей совокупности фактов как внутренней жизни и быта кочевников, так и их войн. И только с таких позиций можно найти ответ на вопрос — отличались ли качественно феодальные распри и усобицы, в частности, в Золотой Орде и средневековой Европе.

На секции отмечалось, что картина взаимоотношений Золотой Орды и русских княжеств в докладе Б. Шпулера явно неполна. Он не осветил сложности и противоречивости исторической обстановки не только на восточных, но и на западных рубежах русских земель, не показал значимости борьбы народных масс против ига завоевателей.

Вызвали возражения также положения доклада Б. Шпулера о том, что, тюркоязычное население территории Казахстана и Средней Азии было прямым союзником Чингисхана и его преемников. Монгольские феодальные владетели действительно пытались насильно использовать в своих интересах народности, населявшие степи и оазисы Казахстана и Средней Азии. Ряд представителей тюркоязычной феодальной верхушки перешли на сторону завоевателей. Но разве можно умалчивать об обороне Отрара, Ургенча, Мерва, Нисы и других городов казахстанско-среднеазиатского региона? Разве не характерны сообщаемые Джуейни и Рашид ад-Дином факты восстания 10 тысяч канглы против завоевателей?

Советские ученые отмечали, что в целом понятие «кочевничество» как хозяйственно-культурный тип — категория историческая. При всей устойчивости форм кочевого скотоводческого хозяйства и быта эти формы явно не однозначны во времени и пространстве (разные системы расселения, циклы кочевания, разная степень связи с оседлостью, существенные отличия в этнополитической и религиозной истории, в обычаях и обрядах). А главное — различия в уровне общественно-экономического развития. Никак нельзя сбрасывать со счета и то, что большая часть народностей и племен, обычно именуемых кочевыми обществами, по сути веда полукочевой-полуоседлый образ жизни.

Историю кочевых обществ невозможно объективно представить в изоляции от истории оседлых народов, вне системы господствующих общественных отношений, их динамики, т. е. вне социально-экономических формаций.

Кочевничество как хозяйственно-культурный тип во многих районах земного шара сыграло известную прогрессивную роль и оставило заметный след в истории и культуре; оно прошло этапы становления, расцвета и упадка. Со временем кочевое скотоводческое хозяйство, образ жизни и соответствовавшие им феодальные, патриархально-феодальные или патриархальные отношения и социально-бытовые институты постепенно все более изживали себя. Так возникла проблема реорганизации кочевого и полукочевого хозяйства, перехода кочевников и полукочевников к оседлости. В СССР эта проблема уже решена, в ряде стран Азии и Африки она решается, однако многие миллионы людей еще ведут экстенсивное кочевое скотоводческое хозяйство и, по вполне понятным причинам, повседневно ощущают тяжкие издержки отсталости. Доказательство тому — трагедия, переживаемая в последние годы племенами и народностями, населяющими Сахель, — территорию Африки, простирающуюся от Сенегала, Мавритании и Мали через Нигер, Чад и Верхнюю Вольту к Судану, Эфиопии и Сомали.

Советские ученые отмечали, что исследователи истории кочевых обществ не могут стоять в стороне от жизни, от проблемы оседания. Конечно, модель оседания кочевников и полукочевников в СССР не универсальна. Тем не менее, поскольку необходимость оседания кочевников и полукочевников приобрела глобальный характер, нельзя не учитывать общезначимые черты советского опыта оседания — комплексность подхода к разрешению проблемы, правильный учет роли природно-экономических факторов, выбор наиболее приемлемых форм хозяйствования для оседающих, уважение к национально-особенным, традиционным социально-бытовым институтам, государственно-организованная помощь, обязательность взаимодействия экономических мер (строительство жилья, развитие ирригации и т. д.) с коренными социальными преобразованиями и культурным прогрессом. Разумность и оправданность таких черт советского опыта оседания подтверждена уже почти сорокалетней после перехода к оседлости историей расцвета материальной и духовной культуры бывших кочевых и полукочевых народов СССР.

Дискуссия на секции прошла на высоком научном уровне в доброжелательной, творческой обстановке. Она показала актуальность и важность создания в перспективе обобщающей фундаментальной монографии «Кочевники. История и современность» при участии ученых разных стран.

Г. Ф. Дахштейгер

КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭТНОГРАФИЯ ПРАГИ»

11—12 ноября 1975 г. в Праге состоялась организованная Институтом этнографии и фольклористики Чехословацкой Академии наук (ЧСАН) конференция, посвященная этнографии Праги.

Конференция была весьма представительной. Наряду с большим числом чехословацких ученых из Праги, из филиала Института этнографии и фольклористики ЧСАН в Брно, Института этнографии Словацкой Академии наук, вузов и различных музеев Чехословакии, в ней участвовали также ученые НРБ, ГДР, ПНР и СССР.